

Журнал "Вокруг света"

№ 07, 1969

УДК 91
ББК 26.8
Ж92

Ж92 Журнал "Вокруг света": № 07, 1969 / – М.: Книга по Требованию, 2022. – 84 с.

ISBN 978-5-458-58101-1

Журнал "Вокруг Света" издается с 1861 года, и заслуженно считается лучшим научно-популярным изданием, о чем свидетельствуют многочисленные награды и читательская любовь. "Вокруг Света" позиционируется как журнал о путешествиях, научных открытиях, перспективах развития цивилизации, в общем о мире людей. Постоянными авторами журнала в разные годы были: Кир Булычев, В.Ерофеев, А.Беляев и многие другие. За время издания было выпущено 2860 номеров журналов (данные на май 2012 года).

ISBN 978-5-458-58101-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЛЮДИ ЛЕНИНСКОЙ ЭПОХИ

Над Керчью, открытой всем ветрам — и азовским и черноморским, — и лишь с одной стороны заслоненной кое-как голой макушкой Митридата, сбрасывали свой груз пыльные вихри. И через неделю никто определенно не мог поручиться, где, собственно, кончается земля и начинается море. И берег и ледяные поля, до горизонта сковавшие море, окрасились в один грязно-коричневый цвет.

Впрочем, граница меж морем и суши исчезла лишь для глаз. На самом деле она в эти дни стихийных передраг стала еще более отчетливой, усугубив разницу человеческих служб на берегу и в море. Хотя на земле приходилось совсем не сладко, мореходы и рыбаки поглядывали теперь в ее сторону с особой надеждой. Потому что, как правильно писали газеты, «...особенно в эти дни трудно тем, кто в открытом море».

Керченский порт жил и работал. И в этом была большая доля труда коммунистов и комсомольцев, керченских мореходов.

Капитан буксира «Вайгач» Анатолий Филиппович Тимощук привычно запаковал свой рейсовый чемоданчик, где смена белья и несколько пачек папирос, и отправился в порт. На углу, в киоске, прихватил свежие газеты и тут же на ходу развернул одну.

«...Ураганные ветры пронесли над городами юга Украины...» Это он уже знал. Ага, есть тут, оказывается, о косе Бирючий остров. «...Волны бились о пороги домов. По морю выбраться с острова было невозможно: лодки застревали в скоплении ледяных обломков...»

Дочитывал Анатолий заметку уже на пороге диспетчерской.

«...Был срочно вызван вертолет. Его командир А. Королев и штурман Г. Хащипин сначала сбросили продукты, а затем забрали на борт женщин и детей...»

Комната была уже полнехонька. Старший диспетчер Константин Константинович Прокус, прижав плечом телефонную трубку и управляясь одновременно с карандашом и папиросой, записывал задания.

Анатолий не успел оглядеться, как диспетчер, бросив трубку на рычаг, поманил его.

— Значит, так, Филиппыч. — Прокус барабанил карандашом. — Возьмешь «Крым»... «Крым» надо провести. Промежьешь фарватер и проведешь. Дальше будет видно...

— А лот мне, выходит, на лед бросать? — Анатолий еще не мог так сразу отрешиться от настроений «мирного времени». — Лот куда бросать? Там же сплошняком лед стоит.

— Ничего, ничего... — Прокус высматривал кого-то следующего из капитанов. — Возьмешь «Крым». — И спокойная деловитость диспетчера говорит Анатолию больше всякого крика.

— Давай, Филиппыч! — подзадоривает Тимощука капитаны. — Давай, а то форштень у твоего «Вайгача» прямо на глазах ржавеет.

По снежной каше, по ледяным блюдам Тимощук выходит на черные доски причала, в конце которого задрал высокий нос «Вайгач». «Вайгач» весь в ледяной коросте, якоря выбелены колючими кристаллами, но форштень блестит, точно полированный. По званию «Вайгач» морской буксир, или короче — МБ. Но в рыбном порту он давно расстался со спокойной жизнью обычного буксира и стал аварийно-спасательным судном.

На крыло мостика капитан выходит в штормовой одежде — черном полушубке и ушанке. Ребята внизу уже убирают трап — раз Филиппыч в полушубке, значит опять в море.

— Убрать кончики, — негромко командует Тимощук. — Кабель не утопи, — добавляет он матросу, зазевавшемуся на носу.

Под низкой кормой буксира вспухает и лопается ледяной панцирь, показываются молочнок-зеленые буруны. «Вайгач», осторожно пятясь, отваливает от стенки. Вид у него недовольный. Глазницы клюзов прикрыты веками обмороженных якорей.

К обеду, когда в камбузе вовсю потянуло запахом традиционного морского борща, раскаленные вареники занежались в миске со сметаной, а компот набрал необходимый цвет и дух, «Вайгач» уже переделал массу дел. Он прощупал путь и провел среди льдов по незнакомой дороге «Крым», тоже буксир, но раза в три-

четыре больше «Вайгача», а потому и сидящий глубже и более осторожный — не дай бог посадить его на мель или на набившийся до самого дна лед.

Потом «Вайгач» окалывал в новом рыбном порту, называемом Ковшом, огромный рыбозов-холодильник. Рыбозов вмерз крепко-накрепко, и «Вайгачу» пришлось как следует попрыгать и поплеваться горячей водой, прежде чем удалось выбрать судно из ледового полона.

Но рыбозов и теперь еще был недвижим — мешали развернуться льды в порту. И «Вайгач» стал крутиться юлой, дробить льды. Тимощук переходил с левого крыла мостика на правый, потом назад и молча показывал Лешке-рулевому направление. Рулевой отчаянно крутил дубовый штурвал, и под кормой «Вайгача» ворочалась вместе с пером руля вязкая ледяная каша. Свитер домашней вязки, толстый и длинный, как пальто, дымился на Лешкиных плечах.

Наконец рыбозов развернулся в зеленом крошewe, и «Вайгач» получил уже новую задачу. Вместе с «Крымом» он отправился проводить освобожденное судно до двадцать первого бую, где и начиналась чистая вода. К двадцать первому шли по проторенной дороге: был пробит канал, и ходить можно было без опаски, пока не налетит сильный ветер и не погонит ходовой лед. Правда, канал получился чуть узковатым, и движение регулировалось как на железнодорожном разъезде.

Чтобы не влезать в очередь, «Вайгач» пошел прямо по целине, словно конвой, прикрывающий караван. Он только один раз заскочил в канал. Какой-то СЧС (средний черноморский сейнер) умудрился застрять и в нем. «Вайгач» выдернул СЧС и на всякий случай тащил его еще с километр. У двадцать первого бую, когда появились большие полыньи, предвестники чистой воды, Тимощук оглянулся. СЧС опять лез в какие-то немыслимые промоины...

За спиной рулевого — радио. Оно кого-то ругает, наставляет,

что-то шепчет, хрипит, бормочет. Для удобства его совсем не выключают. «Вайгач» вызывает каждую минуту. Вот, пожалуйста, опять...

Тимощук берет микрофон.

— Я — «Вайгач»...

Рыбовоз, контуры которого почти растаяли на горизонте, благодарит «Вайгач»: «Спасибо за помощь!»

— Счастливого плавания! — отвечает Тимощук и одновременно пытается припомнить номер злосчастного СЧС, застревавшего в канале. Все-таки вспоминает и вызывает сейнер:

— Счастливого плавания! — Филиппыч больше ничего не добавляет, глядит через смотровое стекло: там, уже на открытой воде, ветер начинает валить сейнер с боку на бок. СЧС похож издали на черного жука с задранными усами.

...Радио докладывает, спорит, спрашивает — мешанина голосов.

Анатолий давно установил, что между голосами радистов и тоннажем судов есть какая-то связь: чем больше судно, тем значительней и важней звучит голос радиста. У «Крыма» — баритон с покровительственными нотками старшего. У рыбозова, того самого, что исчез за горизонтом, бас, полный собственного достоинства и напускной доверительности. А у «Вайгача»... Ну что ж, голос у «Вайгача», приходилось признать, как раз на его 228 тонн водоизмещения.

Впрочем, у «Вайгача» зато есть одно преимущество — непозволительная роскошь для судов и побольше МБ. Идут ли в эфир распоряжения Прокуса или берет микрофон Афанасий Иванович Корецкий из Штаба путины, «Вайгач» может беспрепятственно вступать в их переговоры с судами. Потому что, как никто другой, Филиппыч знает сиюминутную обстановку акватории: направление и силу ветра, и где какой лед, где набило за ночь горосы, а где вода очистилась и можно свободно пройти любой посудине. А потому он на равных участвует в переговорах и рекомендациях береговых диспетчеров и — где надо — управляет их и дополняет.

Постепенно эфир наполнился голосами просительными. Рыбколхозы слали заявки, чтобы как можно скорее кто-нибудь помог вытащить из ледяного

припая их СЧС. Начинается путина, и теперь каждый час дорог. В эти разговоры Тимощук не вмешивался, только слушал: это уж забота Прокуса определить очердность, зачем «Вайгачу» лезть вперед бабки... Но вот голос какого-то колхоза (тоже, наверное, печется о своих замерзших СЧС!) спрашивает у Прокуса:

— Не скажете, а где сейчас ледокол «Вайгач»? Он к нам не зайдет?

Ледокол! Ответ Прокуса никто уж не слышит — в рубке громовой хохот. Ледокол! Лешка-рулевой от смеха не может стоять и ложится грудью на штурвал. Стармех спешит вниз, чтобы передать такую новость остальной вахте и коку.

За обедом смех накачивается с новой силой. О-ха-ха! Ледокол «Вайгач»! Каково? Теперь прямой путь — в Антарктику! О-ха-ха... «А чем не ледокол», — думает Анатолий, вспоминая все, что было сделано сегодня за утро.

— Филиппыч, — слышит Тимощук голос Прокуса. — Иди к Бирючьему — надо спасать наши суда. Пойдешь с Вишневым... Он уже готов. Но гляди — осторожнее.

Тимощук представил себе Бирючий — косу, очень похожую на дельфина своими контурами. А вместо глаз — маяк. И еще он представил, как изпод Таганрога и Азова, от Ейского и Бейсугского лиманов берут разгон штормовые валы, поднимают на хребет льдины и с треском и шипением наваливаются на берега Бирючьего и Арабатской стрелки, подступают к домам поселков Счастлицево и Стрелковое и к поселку Садки...

С Георгием Вишневым, капитаном МБ 6055, они договорились быстро: впереди идет «Вайгач», Георгий — за ним. Надо вывести из-под Бирючьего четыре судна, а не то им крышка, раздавит во льдах.

...Над азовским мелководьем гулял десятибалльный морозный ветер. До самой ночи два буксира, кланяясь как ваньки-встаньки, двигались к Бирючьему среди разбросанных льдин. Потом ползли по промоинам и полыньям, освещая путь прожекторами. В 22.30 уперлись в кромку тяжелого торосистого льда. До ко-

сы оставалось по приблизительным подсчетам миль пятнадцать.

— Филиппыч, мы стоим по маяку, — сообщил Володя Грузнов — товарищ Тимощука, капитан одного из застрявших ПТС (приемо-транспортных судов). Он выходил на связь в начале каждого часа.

— Мы стоим по маяку, только он не горит...

«По маяку — это значит где-то у дельфиньего носа, — прикидывал Тимощук. — А как туда пробиться? И маяк не горит...»

На связь он выходил регулярно, хотя никаких особых новостей и не могло быть. Выходил скорее для того, чтобы просто слышали — помощь идет. А новости — какие же это новости: «Стоите?» — спрашивал «Вайгач». «Ага, стоим, — отвечал Грузнов почти с радостью. — А вы идете?» — «Да как сказать...» — уклончиво сообщал Тимощук. «Вайгач» долбил лед, двигался с черепашьей скоростью, шелестели под бортом льдины. А вот теперь и вовсе стало тихо — впереди торосы, нет впереди пути.

Для ночного времени диспетчерская ответила необычайно быстро. Прокус, оказывается, не уходил. Неделю он дневал и ночевал в низкой комнате с картой во всю стену и нагромождением радиоаппаратов.

— Константин Константинович, — говорит Тимощук, — у нас тут такое дело — дальше не пройти. Что посоветуете?

— Понял, Филиппыч, понял... Свяжусь с рыбадрозом — тут же сообщу тебе. — Минут пять в эфире стоял треск и писк, а потом сквозь него вновь прорвался голос Прокуса: — Филиппыч, приказано оставаться у кромки, вперед не лезть. До утра. До утра, понял?

Вызвал Грузнова:

— Володя, приказано до утра ждать, как у вас?

Грузнов успокоил:

— Ничего. Пока на открытой воде стоим, здесь такое озерцо образовалось. А на берегу лед лезет — ой-ей-ей! Встретимся — тогда порасскажу.

...Ураганные восточные ветры погнали на косу морские воды. Этот нажим был страшен своим постоянством и силой. Песчаные берега в конце концов не выдержали такого на-

пора — в нескольких местах потоки перепилили полуостров, и коса Бирючий остров стала настоящим островом. Керченские суда, те самые, что стояли теперь в плену, попробовали промерить глубину промоин — может быть, не так страшен черт? Но пятиметровые шесты не достигали дна новых каналов. Можно предположить, какой чудовищной силы волны хлестали здесь в берега. Но об этом Тимошук узнал уже потом...

В восемь часов утра «Вайгач» отступил от кромки тяжелого льда... Потом машинный телеграф звякнул, и стрелка перескочила на «Самый полный вперед». Форштевень спасателя ударил в первый торос, по корпусу прошла дрожь, над льдами полетело гулкое — дзонгг! — словно кто-то с маху ударил кувалдой по пустому котлу.

«Вайгач» попятился... Дзонгг! Второй удар получился звонче, резче. Тимошук чуть прикрыл глаза, будто это ему влетел под подбородок жесткий кулак. Дзонгг! Дзонгг!

Все-таки они двигались. Иной раз спасатель, как заправский ледокол, вылезал носом на поле и выдавливал из-под себя льды, иной раз веса буксира не хватало, и приходилось сползать назад. Но они все же двигались.

Уже три часа звенело и стонало все, что могло звенеть и стонать на «Вайгаче». От грохота ударов, тряски и вибрации, казалось, все заклепки и крепления должны давно развалиться и рассыпаться. Уже шла кругом голова у механика Николая Колесниченко от сотен звонков телеграфа: вперед! назад! назад! вперед!

И вдруг повисла блаженная тишина. Только легкое шипение да постукивание дизеля... Прошли! Впрочем, «Вайгач» и теперь шел по льду, но разве это был лед! Под бортом пускала широкие трещины полупрозрачная «скляночка» — корочка совсем еще юного льда...

И Тимошук вдруг почувствовал, что он больше всего привязан к своему «Вайгачу», пожалуй, именно из-за характера работы и из-за той особенности, которая называлась «часовой готовностью». В любой час дня и ночи спасатель должен был быть готов выйти в море.

Уходишь в кино или, скажем, к приятелю — на двери прикрепляй записку: я там-то и там-то. Вахтенный или подвахтенный разыщет при случае. И тогда сломя голову — в порт...

— Филиппыч! Маяк! А вон и ПТС, — рулевой показывал направо, за холмы громаздящегося старого льда.

Караван пошел в Керчь. Впереди прокладывал дорогу «Вайгач», за ним Вишневский на своем МБ раздвигал бортами готовые вот-вот сомкнуться льдины. Два СЧС и два ПТС двигались в кильватере, стараясь проскочить по пробитому каналу. Опять «Вайгач» гудел и трясся, и не было на нем ни одного уголка, где можно было бы отсидеться в тишине и спокойствии. Ночью свободные от вахты валялись на койках без сна — какой уж сон! Будто в бочке сидишь, а бочка-то словно с лестницы катится.

Поспать удалось лишь стармеху: на него грохот не действовал. Если бы пришлось, он мог бы, наверное, и на работающем дизеле задремать. Тимошук в полночь отправился в свою каюту. Часа два-три Анатолий провел меж сном и бодрствованием, кое-как отдохнул.

Когда он по крутым ступеням взобрался в рубку, там были только рулевой и старший помощник — Александр Светоч, совсем молоденький парнишка. Да еще кто-то с верхнего мостика ворочал прожекторным лучом. Прожектор мало помогал. Снежные заряды необычайной густоты окружили «Вайгач».

Светоч пристроился у машинного телеграфа и время от времени вслух считал:

— Две тысячи пятнадцать... Две тысячи шестнадцать...

— Саша! — насторожился Тимошук. — Ты что?

— А, Филиппыч? — обернулся старпом. — Это я реверсы считаю. От самого Бирючьего... Представляешь, за две тысячи перевалило. Вперед-назад, вперед-назад...

Он внимательно поглядел на огромный торос, выросший в светлом прожекторном луче перед носом «Вайгача», и звякнул телеграфом. «Вайгач» начал пятиться. Отошел метров на сто пятьдесят... Снова звяк-

нул телеграф: «Самый полный вперед». С наскака прошли по льду полкорпуса. «Две тысячи восемнадцать», — сказал, запоминная, старпом и взял тряпку с солью, стал протирать обмерзающее смотровое стекло.

Снаружи, на крыле ходового мостика, Тимошук постарался встать так, чтобы снег не слепил, не бил в лицо. Сменив два или три раза место, он понял, что от снега не спрятаться, но с мостика не уходил. Отсюда было видно все-таки лучше, чем из рубки. Некоторое время он глядел, правильно ли старпом выбирает слабины в массе натеров, и совсем уж было собрался вернуться в рубку, когда заметил, как красив прожекторный луч.

Когда светлый столб спускался вниз, казалось, что глядишь на дно чудного колодца. В светлоглубом пространстве крутилась снежная канитель, а внизу высверкивали искрами грани застывших глыб. Потом прожектор вскидывал дымный столб вперед и выше, и в эти минуты колодец исчезал, и перед «Вайгачом» вырастал узкий круглый туннель, по которому, как по таинственной, вмиг созданной из ничего трубе, неслись сверкающие трассирующие цепи пурги. И вдруг... Тимошук только успел крикнуть, резко присев за ограждение мостика. Над головой раздался глухой удар, и мягкий ком скатился ему под ноги! Гагара! Она чуть дернула перепончатой лапой и замерла.

Тимошук взвесил на ладони птицу — килограмма два, а может, и больше. Он посмотрел, не осталось ли вмятины на углу рубки, куда врезалась гагара, и неожиданно расстроился. Вот тебе и юг!

За последние полчаса «Вайгач», как казалось Тимошuku, не продвинулся вперед ни на метр. Уже сорок минут они били перемышку — крепчайший торосистый лед, и все без пользы. Обойти было нельзя: справа и слева стояли такие же льды. Да и попробуй весь караван повернуть в таких тисках.

Хуже того: льды, кажется, начинают двигаться. И если ветер усилится, то наверняка придется сидеть здесь. Может, день, а может, и неделю — зажмет в торосах, пойдут тре-

щать переборки, как тогда, близ Хрони.

Недавняя история у мыса Хрони была памятна для Тимощука.

...Во льдах застрял ПТС-300. И «Вайгач» отправился выручать его. Но через сутки самих спасателей затерло в подвижных льдах, прижало в полумиле от берега. На «Вайгаче» вышло из строя отопление. Холодное, неживое судно трещало под тяжестью наступающих льдин. Можно было бы, конечно, оставить судно и выбраться на берег, но об этом никто не заикался.

Ломали голову, чем и как обогреться. Костер на судне не разожжешь, да и не из чего. Механики втайне посовещались внизу и, наконец, с видом заговорщиков поставили в помещениях какие-то странные сооружения. Оказалось — козлы. На них навесили проводку с мощными электролампами, включили. Так и обогривались все четверо суток. Но восстановить отопление — это было полдела, от ламп льды не стали тоньше. Наоборот, они как будто озлобились еще больше. Лдины, крепкие и острые, как обломки металла, лезли на палубу, погнули фальшборт, грозили срезать рубку. Вся команда дневала и ночевала теперь наверху: ломали, топорами, кувалдами крошили лдины, сбрасывали за борт. А отсюда напоздали все новые и новые глыбы, врезались в корпус, сминали обшивку...

На берег к тому времени выбраться нечего было и думать — там все время росла и рушилась стена льда, лед полз на берег, взбирался на косогорье и отваливал назад. Треск и хруст шел, как из мясорубки...

Вертолет подоспел вовремя. Вызванный по просьбе Штаба путины, он сел рядом, выбрав площадку покрепче.

Летчики были веселы и довольны тем, что пришли вовремя.

— Ну, мореходы, по коням, что ли?

И тут начало твориться что-то несуразное. Команда «Вайгача», образовав нестройную шеренгу, молча переминалась на корме. Тимощук три раза уже предложил: «Ну, идем или как?» Но в ответ слышал лишь непонятное пыхтение. Потом

один из механиков побежал за чем-то к дизелю, да так и не вернулся.

«Эй, за чем остановка?» — летчики побаивались, что льдина вот-вот лопнет. И так она кряхтела и трещала.

Тогда кто-то сказал:

— Знаешь, Филиппыч, пожалуй, останемся. Трещины дождемся — выйдем. А так ведь сгинет «Вайгач»...

Тимощук старался не смотреть на своих. Он подошел к борту и сказал вертолетчику. «Остаемся...» И не стал ждать всяких ответных слов, что, дескать, есть приказ эвакуироваться и тому подобное. Он ушел в каюту и не выходил оттуда, пока не услышал, как на палубе снова застучали ломом и кувалдами.

Сутки спустя к «Вайгачу» пришли мощные буксиры «Колгуев» и «Моржовец». Тогда команда отложила кувалды в сторону.

Тимощук, отходя от воспоминаний, выглянул из рубки.

Перемычку все же пробили. А льды действительно двигались. Но они уже не пугали: здесь, в предпроливье, тянуло верховое течение — Азовское. Оно растаскивало лдины, открывало широкие промоины.

«Вайгач», прижимаясь к берегу, прошел в полумиле от мыса Чушки. И скоро весь караван вышел на чистую воду.

Тут уж и ПТС и СЧС, которые всю дорогу держались за спиной Тимощука и Вишневого, как утята за мамой, почувствовали свободу и прибавили скорости.

Они пришли в порт, когда начало смеркаться. «Вайгач» встал в самом конце причала, потому что места другого ему не оставили. В капитанскую каюту заглянул стармех.

— Переодевайся, Филиппыч, пойдем...

Тимощук сидел на койке, уронив меж коленей тяжелые ладони. Он так и не стянул с себя черного кожуха и ушанки.

На доски причала сыпал легкий и чистый снег. Тимощук оглянулся — «Вайгач» в сумерках казался выше и стройней, глазницы клюзов были будто в блаженстве прикрыты веками якорей.

ФИНИШ НА «ПЛАНЕТЕ ЗАГАДОК»

Две исследовательские станции одна за другой опустились в венерианскую атмосферу. Два космических лота, с невероятной точностью нацеленные с Земли, взяли информацию с расстояния в десятки миллионов километров.

Блестяще завершилась новая межпланетная экспедиция.

Пожалуй, самое фантастическое в ней сегодня то, что она — очередная. Что полет межпланетных автоматов теперь не только дух захватывающее достижение, но уже отчасти и постоянный рабочий инструмент науки.

Большое лучше видится на расстоянии. Попробуем же для оценки масштаба сделанного отступить в глубь истории.

Что знали о Венере шумеры и древние египтяне, то же самое в основном знали о ней и современники Леонардо да Винчи. За тысячи лет прирост знаний был почти что равен нулю.

Первое же телескопическое наблюдение Венеры, сделанное Галилеем в 1610 году, нанесло сокрушительный удар птолемеевской системе мира. Ибо при движении планеты «по Птолемею» ее видимая часть всегда должна была быть меньше полудиска. А Галилей убедился, что фазы Венеры, подобно фазам Луны, преобразуются от узкого серпика чуть не до полного диска.

Так первое же инструментальное изучение Венеры способствовало торжеству той великой истины, что Земля не центр мироздания, не «богом избранная планета». «...С этого времени, — писал Энгельс, — пошло гигантскими шагами также и развитие науки, которое усиливалось, если можно так выразиться, пропорционально квадрату расстояния (во времени) от своего исходного пункта».

Прогресс науки пропорционален квадрату расстояния во времени! К этой мысли мы еще вернемся.

Сама Венера, однако, стойко противостояла попыткам исследователей проникнуть в ее тайны. В XVII и первой половине XVIII века прирост знаний о ней был едва ощутимым. 1761 год, наконец, принес важное открытие, сделанное Ломоносовым: «Планета Венера окружена знатною воздушною атмосферой».

И снова пауза. Множатся ночи, проведенные у телескопов; улучшаются сами телескопы; астрономы делают множество замечательных открытий. А с Венерой все по-прежнему смутно, загадочно, темно. На ее диске виднеются какие-то неясные, то возникающие, то исчезающие пятна. Это установлено. Но это все.

В 1726 году астроном Бианчини публикует карту Венеры, где изображены океаны, континенты и другие детали. Ошибка наблюдателя, принявшего облачный узор в атмосфере за черты самой планеты! Почти через два столетия ее повторяет Ловелл: он тоже публикует карту Венеры. Ее испещряют «каналы»... Мысль исследователей никак не желает примириться с тем прискорбным обстоятельством, что венерианская атмосфера непробиваема для телескопов.

Редкий объект так долго бросал вызов человеческому упорству.

Пятидесятые годы нашего столетия. Уже мчится над Землей первый искусственный спутник. В пору подвести какой-то итог трехсотпятидесятилетнему инструментальному изучению Венеры. Увы, она все еще «планета загадок!» Карт ее поверхности, разумеется, уже никто не публикует, ибо окончательно

установлено, что ее атмосфера непроницаема. Что лежит под ней? О, тут гипотез, и давних и совсем свежих, более чем достаточно. Венера — раскаленная пустыня. Ничего подобного: Венера — это бескрайний океан. И вовсе нет: безбрежные и пышные желто-красные джунгли простираются там под сумрачным парниковым небом. Не так: «нефтяные» реки текут там в «нефтяные» океаны. А небо, венерианское небо? Бесперывный трепет молний в мрачно-сияющих тучах. И может быть, с небес сыплется формальдегидный снег...

Но обилие гипотез вовсе не дурной признак. Ведь там, где ничего не известно, там нет места даже для научно обоснованных гипотез. А почва для них уже имеется. Твердо известно, что плотная венерианская атмосфера богата углекислым газом. Есть все основания ждать окончательных доказательств наличия в ней водяных паров, кислорода, азота... Данные говорят в пользу теплого, даже жаркого климата планеты. Много, очень много еще не выяснено, но прогресс уже заметен. И гипотезы множатся. Обычно буре предшествует долгая тишина, а затем следует первый порыв ветра, шумной разногласий бегущий по листве... Но это еще не сама буря.

В самом начале шестидесятых годов (счет пошел уже на годы!) Земля начала ощупывать Венеру лучами радиолокаторов. Двинутый на приступ арсенал радиометодов (не только локация) проломил зияющие бреши в стенах веками неприступной крепости. И открылось: Венера вращается в сторону, противоположную вращению всех других планет: один ее оборот вокруг оси протекает за 243 земных суток; и — вот это сенсация! — поверхность Венеры раскалена до точки плавления свинца.

Но не удалось все это уложить в сознании, не успели утихнуть возникшие споры, как утром 18 октября 1967 года советская автоматическая станция «Венера-4» радировала на Землю первые данные о составе и свойствах венерианской атмосферы!

Этот звездный миг дал человеческому познанию, пожалуй, больше сведений о Венере, чем дали все тысячелетия до Галилея; больше, чем последующие века (исключая последнее десятилетие).

И всего через год с небольшим — новый скачок: совместный исследовательский полет «Венеры-5» и «Венеры-6»!

Двойной зондаж венерианской атмосферы, с еще большей точностью подтвердивший ее исключительное своеобразие. Воздух, состоящий преимущественно из углекислого газа! Почти безкислородный, почти безводный, создающий у поверхности планеты давление под стать морским глубинам. Океан углекислоты, нагреваемый вблизи его «дна» до 320 градусов! «Океан», пройденный сразу в двух местах советскими автоматическими станциями «Венера-5» и «Венера-6».

Таков темп прироста знаний в наши дни. С такой стремительностью раскрываются самые стойкие тайны природы. Так ускорение науки, пропорциональное квадрату расстояния во времени, за годы выполняет теперь работу столетий.

Подобным образом стартует космическая ракета. Начало ее движения плавное, почти незаметно. Медленно, как бы нехотя, преодолеваются первые десятки метров. А затем гром, вихрь и умножающаяся скорость; и вот уже рукотворной молнией расколото небо другой планеты!

Д. АЛЕКСАНДРОВ

В этом номере мы продолжаем нашу рубрику «Своими глазами» документальными рассказами о Гарлеме, негритянском районе Нью-Йорка. Их авторы — известный американский фотомастер БРЮС ДЭВИДСОН и молодой писатель-негр ГОРДОН ПАРКС.

**БРЮС
ДЭВИДСОН**

Гарлем знаменит. Хотя он не какая-нибудь шумная столица. Да и вообще не город. Гарлем — всего лишь район. Всего лишь пятно на карте Нью-Йорка, расплывшееся там, где нескончаемую Пятую авеню Манхэттена пересекают многочисленные Сотые улицы. Редко кто видит его замкнутый мир вблизи. Посторонних черное гетто не привлекает, своих отпускает от себя с трудом.

Сейчас я уж и не вспомню, что все-таки заставило меня прийти на Сотую улицу, в Гарлем с фотоаппаратом. Впрочем, так ли уж это важно — что? Помню только, что в то время я был занят выполнением заказа одной из нью-йоркских фирм: снимал какие-то станки, механизмы, автоматы и полуавтоматы. Еще я снимал людей возле них, и эти люди тоже казались мне автоматами; с ними и обращались не как с людьми, а как с предметами. Когда я однажды поздно вечером пришел домой, мне пришла в голову мысль, что я занимаюсь бессмысленным и никому не нужным делом.

После этого вечера был еще один, с такими же мыслями и с тем же отвратительным настроением. Потом я очутился на Сотой улице.

Меня никак не назовешь богатым или, скажем, состоятельным человеком. Но если сравнивать меня с ними, с обитателями Сотой улицы, то я не просто богат: я миллионщик! У меня есть квартира и у меня есть работа. Да, у меня есть работа, которая дает мне хоть малую толику независимости.

В Нью-Йорке многие говорят, что гетто — это просто гетто, что так, мол, называется один из районов Нью-Йорка и что в этом ничего такого особенного нет: просто гетто, и все тут, о чем, собственно, разговор? Что? Туда лучше не ходить? Вообще-то да, что вы там потеряли, разве что заблудились в нашем огромном городе?.. В общем выходите на той остановке, которая вам нужна, а то проспите, и вас разбудят на последней остановке, в Гарлеме...

На Сотой улице вы увидите кошек, студентов, голубей, кожух телевизора, кроликов, женщин, музыкальные автоматы и банки из-под консервов. Много чего увидите.

Я хочу увидеть жизнь этой улицы такой, как она есть, присматриваюсь к мелочам, хотя к ним можно бы и не присматриваться, потому что Сотая улица полна открытий. Я не хочу заниматься слезкой, но и не хочу, чтобы мне позировали, хотя этого-то мне не всегда удается избежать: иногда кто-нибудь из них подходит и говорит: «Ну что, щелкнете меня?»

Вчера встретил того самого, наркомана.

— Что-то давно не виделись! — говорю.

— О, здравствуйте, а вы, как всегда, здесь! Щелкнете меня? Теперь можно, я теперь не курю, бросил! Так что вы, пожалуйста, отдайте мне те, старые фотокарточки — они не действительны, я не хочу, чтобы они у вас оставались. Лучше снимите меня теперь..

Улица — это мое рабочее место, и работал я на ней долго, достаточно, чтобы увидеть перемены. Я вижу, как зреют и горделиво выпячиваются вперед животы беременных женщин, вижу, как нарождается и как умирает народ Сотой улицы, вижу, как он веселится, ест, пьет, любит, дерется, уходит в тюрьму, приходит назад, здороваются, выходит на улицу, машет рукой и вступает в прежние неторопливые разговоры.

С месяц назад от чрезмерной дозы героина умерла девочка Джоан. Неделю назад ушел в армию ее старший брат. Сейчас он во Вьетнаме.

Три дня назад захожу в один двор и вижу мужчину, который что-то ищет в мусорной свалке. Оказывается, собирает ржавые ведра, консервные банки, крышки из-под маринада. Все это он обменивает на жалкие центы у скупщика. На мой вопрос, почему он не разрешает себя сфотографировать, ответил, что из-за этого у него «могут выйти неприятности» — он получает пособие по безработице, а какой же он будет безработный, если кто-то увидит, что он делает «бизнес» на свалке?

Я не был отягощен грузом предвзятости и не стремился снимать все то, что составляет убожество Сотой улицы. Я фотографировал жизнь этой улицы на Ист-Ривер, и если она и вам покажется убогой, то как фотограф я здесь ни при чем: есть люди, которые могли бы многое сделать для людей с Сотой улицы, но они не делают ничего. Еще бы! — ведь сейчас война во Вьетнаме, и есть ли что-нибудь более важное, чем эта война?

И еще одно: свои фотографии я специально не сопровождаю никакими подписями. Почему? Мне кажется, что в этом нет необходимости: Сотая улица говорит сама за себя. Смотрите.

СВОИМИ ГЛАЗАМИ

СОТАЯ УЛИЦА

